

Далёкое — близкое

О чём не знал Пушкин

Музей-усадьба «Приютино» во Всеволожске — одно из самых известных «пушкинских» мест России, и все знают, что поэт бывал здесь не раз. Но кто знает о том, что еще в XV — XVI веках на территории будущего Петербурга и Всеволожского района были владения предков Пушкина?

Об этом не знал даже сам Александр Сергеевич, иначе он вряд ли бы написал знаменитые строки «На берегу пустынных волн»...

Эти строки сильно повлияли на создание легенды об основании северной столицы. Город долго считался возникшим на пустом месте «из топи блат», по воле царственного Петра. Такова сила истинной поэзии.

Если бы во времена А.С. Пушкина к истории Новгородского государства, на бывших землях которого строилась новая столица, относились более внимательно! Великий поэт, серьезно интересовавшийся российской историей, наверняка был бы покорен прекрасным прошлым вольного Новгорода, но именно потому, что Новгород разительно отличался от Москвы, история его, скажем прямо, замалчивалась. Обернись все иначе — мы читали бы совершенно другого «Медного всадника». Не верится, что Александр Сергеевич остался бы равнодушен к тому, что именно здесь, на берегах отнюдь не пустынных, жили четыре брата Пушкиных.

...В начале XX века молодой историк Андрей Михайлович Гневушев, издал в Киеве «Опись дворцовых волостей Водской пятины 1504 — 1505 гг., розданных в поместья». (Именно на бывших землях Водской пятины и был, через 200 лет, построен Санкт-Петербург). Великий князь московский Иван III, завоевав в 1478 году Новгородскую область, изъясил земли у новгородцев и записал их «на Дворец», т.е. на себя, а потом раздал своим «московским» людям.

Может, просто однофамильцы? Андрей Никитин Пушкин (надо полагать, отец многочисленных Пушкиных) по данным Новгородских писцовых книг владел деревнями в Михайловском Сакульском и Васильевском Ровдушском погостах Корельского уезда, то есть далеко от наших мест. Зато Василий Никитин Пушкин (видимо, брат Андрея) имел деревни в Никольском Ижерском (или Ыжерском) погосте в Ореховском уезде: за ним числились две деревни на реке Тосне.

В 1953 году в газете «Вечерний Ленинград» появилась заметка старшего научного сотрудника архива Академии наук СССР Г. П. Блок «Предки великого поэта». Автор сообщил полузабытые сведения о том, что еще задолго до основания Петербурга часть земель будущего города принадлежала роду Пушкиных.

«...Обширная вотчина крупного новгородского феодала Богдана Есипова, захватывающая всю дельту Невы и прилегающие к ней морские берега, была отдана во владение четырем семействам. Одним из этих семейств являлись Пушкины. Их было четыре брата: Михаил, Яков, Юрий и Федор Андреевичи. Они не были прямыми предками поэта, но принадлежали, бесспорно, к тому же старому русскому роду, что и А. С. Пушкин. Прямой прапращур поэта, подмосковный помещик Михаил Иванович Пушкин приходился им четвероюродным братом...».

В изданном тем же А.М. Гневушевым фрагменте писцовой книги Водской пятины 1539 года из братьев Пушкиных находим только Юшка — Юрия в погосте Ива-

Среди бывших дворцовых волостей фигурирует и та, которая заинтересовала бы А.С. Пушкина: «В Ореховском уезде, в Ыжерском погосте волость в Калганицах на усть Невы в Поморье Богдановская Есипова. А в ней церковь Спас Преображение. Да у Спаса — же двор Богдановской большой... И отдана та волость Ондрейку да Барсальцу Прокошовым детям Онкифова, да Гриде Олешину сыну Лихорева, да Одреевым детям Пушкина Михалцу да Яковцу, да Юшку, да Федку, да Сенку Дубасову».

Говоря современным русским языком, Иван III отдал земли новгородца Богдана Есипова детям Прокши (Прохора) Онкифова, Алексея Лихорева и Андрея Пушкина да Сенку Дубасову. Волость была огромная и занимала пространство от Охты до Петергофа.

Какими именно деревнями владели родственники А.С. Пушкина — так и осталось загадкой. Можно только предположить, что именно Онкифовы и Пушкины и были в конце XV — начале XVI веков хозяевами большой части территории будущего Петербурга. Хотя нельзя не учитывать и того, что великий князь московский давал земли, забирал земли, перемещал новоявленных помещиков с места на место, как ему было угодно.

Но что же это были за Пушкины?

Анна ЗАБЕЛЬСКАЯ

Бетховен в живописи

30 мая 2010 года, на рассвете, при восходе солнца, на 86-ом году земного пути остановилось сердце удивительного художника Ивана Павловича Глевицкого.

...1931 год. Ване Глевицкому 5 лет. Как «сын врагов народа» он подлежит отправке в спецдом. Власти слиберальничали — подавившись мольбам матери, заменили спецдом для «вражких детей» на 10 лет лагерей по месту пребывания родительницы. (Отец, белорусский крестьянин, был этапирован в лагерь Архангельской области. В них и сгинул. Был реабилитирован (посмертно) за отсутствием состава преступления в 1980-х годах).

Когда будущему художнику исполнилось 15 лет, за его плечами было 10 лет «отсидки» и множество листов изрисованной бумаги.

Много позже Иван Павлович признавался, что умение запечатлеть на бумаге те или иные виды спасло их с матерью от голодной смерти. Он рисовал за пайку хлеба: рисовал конвоирам, бригадирам барачников, охранникам, начальникам лагерей.

В годы Великой Отечественной войны «зек» Иван Глевицкий не единожды порывался уйти на фронт, но всякий раз его оставляли в тылу — работал на авиационных заводах Урала. Строил самолёты и... рисовал.

Страсть к рисованию привела его в Нижнетагильское среднее художественное училище.

Мечтал об учёбе в Ленинградском художественном промышленном училище им. Мухомовой (барона фон Штиглица). Но особая отметка в паспорте «освобождён из спецсылки» лишала проживания едва ли не в сотне больших городов Советского Союза. Помог случай. По совету знакомой девушки, имевшей отношение к учёту граждан, Иван Павлович «теряет» паспорт и на основании метрики получает новый — уже без «особой отметки».

Так, «бежав» из мест поселения, бывший «зек» держит экзамены в Ленинградское художественное училище.

За год Глевицкий И.П. заканчивает два курса и переходит на третий.

Диплом — и отныне вся творческая жизнь Ивана Глевицкого — в служении городу трёх революций. Как оформителя, художника-агитатора, перед которым — широчайшие перспективы, требующие полной самоот-

дачи, самоотречения во благо той идеи, ради которой вершились революции.

«Окна» и «Фотоокна» ЛентАССов и прочие пропагандистские агентства, уличные щитовые фотовыставки и фотогазеты, рассказывающие о свершениях и трудовых победах советского народа.

50-е — 80-е годы. Многочисленные стенды на проспектах, в парках, музеях, красочно оформленные — приуроченные к революционным праздникам, к той или иной торжественной дате — тематические выставки. Всё это — плоды труда, результаты огромной работы большого коллектива художников и Глевицкого И.П., который становится одним из ведущих мастеров-оформителей живописно-оформительского искусства. Устроительство выставок о науке, культуре, промышленности, народном хозяйстве Ленинграда в городах-побратимах и в столицах государств социалистического содружества, оформление выставочного павильона на ВДНХ в Москве...

В 1974 году по эскизам и разработкам И.П. Глевицкого в Смольном соборе за невероятно короткий срок — 30 суток — монтируется гигантская по масштабам и материальным затратам сменная экспозиция — «Ленинград сегодня и завтра».

Выдвижение талантливого художника на Государственную премию СССР. И — в самый последний момент — вычеркивание комитетчиком госбезопасности фамилии Глевицкого из списка награждаемых — как сына «врагов народа» и как сидевшего в лагерях.

Но, как бы там ни было, официальное творчество кормило Ивана Павловича, делало его «выездным» (Франция, Германия, Чехословакия, Италия), позволяло чувствовать себя более свободным, чем иные.

Неофициальное же...

Реализовывался художник в жанре пейзажа, этюда, натюрморта. Писал, писал и писал. Природа — это было то, чему мастер безоговорочно верил, то, что бесконечно любил, то, чему поклонялся.

И ещё — художник был едва ли не последним экспрессионистом. Не

потому ли почти все работы Ивана Глевицкого — более двухсот картин — осели в личных коллекциях граждан Канады, Америки, Азии, Европы. Более того, иностранцы посещали живописца лично, в Токсове, в доме, выстроенном им самолично в 50-е годы.

...Около 20 лет назад на мой вопрос: «Как вы оцениваете свою жизнь?», — Иван Павлович обжёг меня пронзительно-горькой фразой, впоследствии давшей заголовочек очерку «Жизнь, выброшенная в корзину».

Сколько сил, времени, энергии потратил мастер, чтобы добиться реабилитации родителей и себя. Сколько сил, времени, энергии ушло, что бы отстоять своё искусство, стать членом Союза художников, принадлежность к которому давало права на участие в художественных выставках. (Членский билет Союза художников Глевицкий И.П. получил только в канун своего 65-летия). До конца своих дней он бился за возвращение своей художественной мастерской, которой его лишили ушлые проходимцы от искусства. А ещё — гибель почти трёхсот картин, хранившихся в деревянной пристройке и сгоревших во время пожара.

Но как красив, как великолепен был Иван Павлович на коллективных художественных выставках в Манеже, в залах Союза художников на Большой Морской, на выставках, устраиваемых в родном Токсове: высокий, статный, седые волосы до плеч, открытый, ясный, полный достоинства, взгляд.

В последние годы жизни на «Бетховена в живописи», как называли Ивана Павловича Глевицкого в кругу художников, обрушились болезни. За короткий срок — несколько операций. Упадническое настроение, неустроенность, разлад с окружающими...

Художник ушёл, запечатлев кистью своё видение миробития, в котором ему посчастливилось появиться на отведённый ему срок.

Художник ушёл, оставив о себе память.

Владимир КУДРЯВЦЕВ
На снимке: Иван Глевицкий и Владимир Кудрявцев.